

Я СКРЫЛА ДОЧЬ НЕ ОТ НЕГО

В. К. КОСС

В.К. Косс

Я скрыла дочь не от него

«Автор»

2026

Косс В.

Я скрыла дочь не от него / В. Косс — «Автор», 2026

Шесть лет Полина скрывала дочь. Но не от Кирилла — ее настоящего отца. Она бежала от бывшего мужа Дениса, который записан отцом Ани и теперь использует девочку, чтобы заставить Полину изменить результаты строительной проверки. Когда угроза становится реальной, Полина говорит Кириллу правду. Он готов защищать дочь, но не готов простить женщину, лишившую его шести лет ее жизни. Им придется вместе противостоять Денису, оспорить ложное отцовство и решить, можно ли построить семью там, где доверие было разрушено молчанием.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фотография	5
Глава 2. Не от тебя	12
Глава 3. Отец по документам	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В.К. Косс

Я скрыла дочь не от него

Глава 1. Фотография

Полина сняла перчатку и провела пальцем по краю новой плитки. Затирка осыпалась мелкой серой пылью.

— Этот участок уже включили в акт? — спросила она.

Прораб Зорин перестал листать папку. До этого он шел по коридору на полшага впереди, называл подрядчиков по именам и с готовностью объяснял все, о чем его не спрашивали. Теперь обернулся к стене, словно видел ее впервые.

— По отделке замечаний не было.

— Я не спрашиваю про замечания. В акте указано, что работы завершены. Дата — завтрашняя.

Зорин посмотрел на инженера строительного контроля. Тот опустил глаза в планшет.

Полина надела перчатку и двинулась дальше. В недостроенном крыле медицинского центра пахло штукатуркой, мокрым бетоном и дешевой краской. За окнами начинался дождь. Рабочие разгружали упаковки с напольным покрытием, хотя по документам пол на втором этаже уже считался готовым.

За три дня до командировки Полина выписала в отдельную таблицу все расхождения. На бумаге подрядчик завершил почти восемьдесят процентов работ. На фотографиях технического надзора не набиралось и шестидесяти. Можно было спорить о степени готовности стен, вентиляции или электрики, но отсутствующий линолеум нельзя было назвать уложенным даже при самой богатой фантазии.

— Где хранится исполнительная документация? — спросила она.

— В штабе строительства. Мы все покажем после обхода.

— После обхода я должна уехать в офис заказчика. Покажите сейчас.

— Полина Андреевна, у нас же рабочий процесс. Люди заняты.

— Поэтому я и приехала в восемь утра.

Зорин поджал губы. Вчера по телефону он разговаривал с ней почти дружелюбно и несколько раз назвал Полиной. После первого запроса документов вспомнил отчество.

На лестничной площадке лежали две закрытые коробки с настенной плиткой. Полина сверила маркировку с фотографией из спецификации. Производитель совпадал, серия — нет.

— Это для санитарных комнат? — спросила она.

— Да какая разница? Характеристики те же.

— Разница в цене. В смете оплачена другая коллекция.

— Мы согласовали замену.

— С кем?

Зорин шумно выдохнул.

— Сейчас найдем письмо.

— Найдите вместе с исполнительной документацией.

Полина сделала снимок маркировки и отправила в рабочую папку. Телефон тут же завибрировал. На экране высветилось сообщение от матери: «Доехали. Аня на занятиях, я дома».

Полина быстро ответила: «Спасибо. Позвоню после проверки».

Она не любила оставлять дочь даже на два дня. Не потому, что не доверяла матери. Галина Викторовна знала расписание Ани лучше самой Полины, помнила, в какой день нужно принести цветную бумагу, а в какой — форму для ритмики. Просто за шесть лет Полина при-

выкла проверять, закрыта ли дверь, дошла ли дочь до класса, не появился ли возле дома чужой автомобиль. Большую часть времени эти действия казались обычной осторожностью. Иногда она понимала, что это не так.

— Эксперты приехали, — сообщил инженер, до этого молчавший.

Зорин посмотрел на часы.

— Рано.

— Восемь сорок две, — сказала Полина. — В письме было указано восемь тридцать.

— Значит, опоздали.

Она не стала отвечать. Подошла к окну и увидела возле ограждения темно-синий автомобиль. Из него вышли двое мужчин. Первый, невысокий и плотный, достал с заднего сиденья жесткий кейс. Второй захлопнул водительскую дверь и поднял голову к зданию.

Расстояние было слишком большим, чтобы рассмотреть лицо. Полина все равно узнала его.

Кирилл Ланской по-прежнему двигался так, будто заранее знал, сколько места ему требуется. Не торопился, не оглядывался по сторонам, не поправлял на ходу пальто. За шесть лет он стал шире в плечах и короче подстригся. Других изменений с высоты второго этажа Полина не видела.

Она отступила от окна.

В письме заказчика значилось название бюро: «Ланской и партнеры». Полина прочитала его в аэропорту, стоя у стойки регистрации, и решила, что фамилия может принадлежать кому угодно. Потом открыла приложение к договору, увидела имя Арсения Котова и поняла, что случайностью здесь не пахнет. Она убедила себя, что Кирилл давно не выезжает на рядовые осмотры. У совладельца компании достаточно сотрудников, чтобы не ходить по пыльным этажам с рулеткой.

Убеждать себя у Полины всегда получалось лучше, чем предсказывать поступки Кирилла.

— Я жду документы в штабе, — сказала она Зорину.

— А встречать экспертов кто будет?

— Вы. Это ваш объект.

Она успела сделать три шага, когда снизу хлопнула металлическая дверь. По лестнице поднялись голоса. Один принадлежал представителю заказчика, второй — незнакомому мужчине. Кирилл молчал.

Полина могла уйти в дальнее крыло, сослаться на срочный звонок, попросить коллегу продолжить обход. Все эти решения продержались в голове несколько секунд. Потом она остановилась возле временного ограждения и открыла на планшете ведомость объемов.

Если бы она собиралась снова бежать, не стоило приезжать в этот город.

На площадке появился представитель заказчика Михаил Сергеевич, за ним — двое экспертов. Мужчина с кейсом сразу подошел к стене и начал осматривать швы. Кирилл снял защитные очки, которые надел при входе, и посмотрел на Полину.

Он не изменился в одном: умел молчать так, что собеседник начинал оправдываться без единого вопроса.

Полина закрыла ведомость.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответил Кирилл.

Его взгляд задержался на ее каске с эмблемой «Вектора», затем вернулся к лицу.

Михаил Сергеевич торопливо заговорил:

— Отлично, все в сборе. Кирилл Олегович, это Полина Андреевна Соколова, руководитель сметной группы. Именно ее специалисты обнаружили расхождения. Полина Андреевна,

независимую проверку проводит бюро Кирилла Олеговича. Думаю, вы знакомы с их заключениями по областной больнице.

— Знакома, — сказала Полина.

Кирилл едва заметно качнул головой.

— С работой Полины Андреевны я тоже знаком.

Михаил Сергеевич улыбнулся, решив, что услышал профессиональный комплимент.

— Тогда общий язык найдете быстро.

— Не сомневаюсь, — произнес Кирилл.

Полина посмотрела на него внимательнее. У правой брови появился тонкий шрам. Раньше его не было. На безымянном пальце — ни кольца, ни светлой полосы. Это ничего не значило, и она рассердилась на себя за то, что успела заметить.

— Начнем с второго этажа, — предложил Зорин. — Там почти все готово.

— Сначала документы, — одновременно сказали Полина и Кирилл.

Мужчина с кейсом усмехнулся. Зорин поднял ладони.

— Хорошо. Если всем так спокойнее.

Штаб строительства размещался в двух соединенных бытовках. В первой стояли шкафы с касками, электрический чайник и стол, за которым едва помещались четыре человека. Во второй хранились папки. Зорин принес только одну.

— Остальные у бухгалтера.

Полина открыла оглавление.

— Здесь нет актов скрытых работ по вентиляции.

— Значит, в другой папке.

— Которая у бухгалтера? — спросил Кирилл.

— Наверное.

Кирилл сел напротив Полины. Между ними оказался узкий стол с пятнами от кружек и чужими касками. Раньше она знала каждое его движение: как он трет большим пальцем край ручки, когда раздражен; как чуть наклоняет голову, если собеседник начинает лгать. Сейчас он держал руки на столе неподвижно.

— Нам понадобится полный комплект в электронном виде, — сказал он. — Не выборка и не фотографии страниц.

— Объем большой.

— Объект тоже не маленький.

Зорин перевел взгляд на Полину, словно ждал, что она окажется стоворчивее.

— Запрос отправлен позавчера, — напомнила она. — Срок предоставления истек сегодня в восемь тридцать.

— У вас все по минутам?

— Только то, за что кто-то получает деньги.

Кирилл взглянул на нее. На секунду в его лице появилось знакомое выражение, почти улыбка. Оно исчезло раньше, чем Полина успела убедиться.

Мужчина с кейсом представился Сергеем Рудаковым и занялся журналами работ. Кирилл просматривал акты, Полина сверяла суммы со своей таблицей. Через десять минут стало ясно, что часть страниц перепечатана: в нижнем поле стояли новые даты, а подписи были отсканированы вместе с печатью.

— Оригиналы где? — спросила Полина.

— Это оригиналы, — ответил Зорин.

— Нет. На трех листах одинаковый дефект изображения возле подписи. Даже пятно повторяется.

Сергей подвинул к себе папку и достал небольшую лупу с подсветкой.

— Она права.

Зорин покраснел.

— Я не занимаюсь распечаткой. Мне что принесли, то я и подшил.

— Кто принес? — спросил Кирилл.

— Производственный отдел.

— Фамилия.

— Позвоню и уточню.

— Уточните сейчас.

Зорин вышел в соседнюю бытовку. Сквозь тонкую стену было слышно, как он кому-то быстро объясняет ситуацию. Михаил Сергеевич тоже отошел к двери, отвечая на звонок. Сергей продолжил проверять подписи.

Полина почувствовала взгляд Кирилла, но не подняла головы.

— Ты знала, что приеду я? — спросил он негромко.

— Увидела название бюро в документах.

— Когда?

— Вчера.

— И решила, что меня это не касается.

— Решила, что ты отправишь сотрудников.

— Шесть лет прошло, а ты по-прежнему принимаешь решения за двоих.

Сергей поднялся с папкой.

— Проверю номера актов по реестру.

Он явно слышал разговор, но лицо осталось равнодушным. Вышел и прикрыл дверь.

Полина наконец посмотрела на Кирилла.

— Я приехала работать.

— Я вижу.

— Личные разговоры на объекте не нужны.

— А где они нужны, Полина? Ты оставила адрес?

Она заранее представляла эту встречу много раз. В одних вариантах Кирилл кричал. В других делал вид, что не узнал ее. Спокойный вопрос оказался тяжелее любой сцены.

— Нет.

— Телефон?

— Нет.

— Тогда не объясняй мне, где и когда следует задавать вопросы.

Дверь открылась. Зорин вернулся, убирая телефон в карман.

— Через полчаса привезут все оригиналы. Просто не успели передать.

Кирилл снова стал деловым и собранным.

— Кто привезет?

— Начальник производственного отдела.

— Фамилия?

— Рябов.

Полина записала имя. Рябов дважды отвечал на ее письма и оба раза присылал документы без приложений.

Осмотр продолжался почти два часа. В подвальном помещении эксперты проверили вентиляционные короба. На втором этаже измерили площадь уложенного покрытия. Полина фиксировала расхождения, не позволяя себе смотреть на Кирилла без необходимости.

Работать рядом с ним оказалось слишком легко. Он не спорил ради авторитета и не повторял ее выводы другими словами. Если Полина называла несоответствие, Кирилл проверял техническую часть. Если данных не хватало, прямо говорил, что вывод преждевременный. Один раз он не согласился с ней по поводу замены материала и показал письмо заказчика, которого не было в переданном ей комплекте.

— Согласование действительное, — признала Полина и удалила пункт из замечаний. Зорин посмотрел с удивлением.

— И все? Даже спорить не будете?

— С документом — нет.

— А со мной, значит, будете?

— Если вы снова попытаетесь заменить документ воспоминанием.

Кирилл отвернулся к стене, но Полина заметила, как дрогнул угол его рта.

Около полудня дождь усилился. Шум по временной кровле мешал разговаривать. Группа остановилась в помещении будущей процедурной, где уже установили окна.

Полина проверила телефон. От матери новых сообщений не было. Она открыла камеру школы, доступ к которой давали родителям подготовительного класса. На экране дети в ярких куртках шли под навесом к отдельному корпусу. Занятие Ани закончилось двадцать минут назад, поэтому девочка уже должна была ехать домой с бабушкой.

Появилось сообщение с неизвестного номера.

Фотография загрузилась не сразу.

Сначала Полина увидела серую полосу тротуара, край школьной ограды, затем — Аню. Дочь стояла возле калитки, держала за руку Галину Викторовну и что-то рассказывала, запрокинув голову. Снимок сделали с другой стороны улицы. Достаточно близко, чтобы различить рисунок на Аниной шапке.

Под фотографией была одна строка:

«Красивые глаза. Точно не мои».

Полина перестала различать слова окружающих, хотя они продолжали говорить в обычный голос. Она увеличила снимок. В левом нижнем углу отражалась часть автомобиля, темная дверь и светлая куртка фотографа. Номера не было видно.

Она нажала кнопку вызова матери.

Галина Викторовна ответила после первого гудка:

— Мы уже дома. Я как раз хотела тебе написать.

— За вами кто-нибудь ехал?

Мать замолчала.

— Поля, что случилось?

— Просто ответь. Машина стояла возле школы? Кто-нибудь подходил?

— Нет. По крайней мере, я не заметила. Мы вызвали такси у главного входа и сразу уехали. Аня рядом.

— Закрой дверь. Никому не открывай, даже если представятся сотрудниками школы или управляющей компании. Я сейчас перезвоню по видеосвязи.

— Это он?

Полина посмотрела на фотографию.

— Пока не знаю.

Она завершила разговор и переслала снимок матери, попросив еще раз проверить, не видела ли та отраженный автомобиль. Потом вызвала администратора школы. Пальцы слушались плохо, и Полина дважды нажала не на ту строку.

— Полина Андреевна? — раздался рядом голос Кирилла.

Она подняла голову. Остальные ушли в коридор, а он задержался возле двери.

— Проверку продолжайте без меня. Мне нужно позвонить.

— Что произошло?

— Ничего, что относится к работе.

— Вы побледнели.

Переход на официальное обращение был намеренным. Кирилл давал ей возможность сохранить расстояние перед коллегами. Раньше он тоже умел замечать то, что другие пропускали.

— Я справлюсь.

Он несколько секунд смотрел на нее, затем кивнул.

— Будем в штабе.

Полина дозвонилась до школы. Администратор подтвердила, что Аню забрала бабушка, посторонние внутрь не входили. Записи с наружных камер могли предоставить только по официальному запросу, но обещали сохранить нужный промежуток времени.

Следующее сообщение пришло, пока Полина записывала время разговора.

«Заключение еще можно исправить. Ты умеешь считать, поэтому посчитай, что для тебя дороже».

Сомнений не осталось. Денис всегда избегал прямых угроз. Даже дома он не говорил: «Я тебя ударю». Он спрашивал, уверена ли Полина, что хочет его разозлить. Не запрещал встречаться с подругами, а напоминал, кто оплачивает квартиру. Не требовал уволиться, а объяснял работодателю, что его жена слишком устает и начинает ошибаться.

Полина набрала номер из сообщения. Ответили сразу.

— Я знал, что ты перезвонишь, — произнес Денис.

За шесть лет его голос почти не изменился. Спокойный, негромкий, без заметных эмоций. Таким тоном он разговаривал с официантами, сотрудниками и людьми, которых собирався лишить выбора.

— Кто фотографировал Аню?

— Здравствуй, Полина.

— Если с ней что-нибудь случится, фотография и сообщения уйдут в полицию.

— Конечно. Ты всегда была предусмотрительной. Поэтому мне странно, что ты полезла в документы, которые тебя не касаются.

— Они касаются меня по должности.

— Должности меняются.

— Чего ты хочешь?

— Ничего сложного. Ошибка в исходных данных, повторная проверка, уточненный отчет. Выбери формулировку сама.

— Работы не выполнены. Суммы завышены.

— Ты видела не все документы.

— Тогда передай их экспертам.

Денис тихо рассмеялся.

— Ланской уже там?

Полина посмотрела в открытую дверь. Кирилла в коридоре не было.

— Не твоё дело.

— Напрасно ты так. У нас с ним старые счета, а теперь появился новый повод поговорить.

— Не приближайся к моей дочери.

— К нашей, если верить свидетельству о рождении.

Полина сжала телефон.

— Ты прекрасно знаешь, что она не твоя.

— Биология иногда проигрывает документам. Ты ведь до сих пор не исправила запись. Почему, Полина? Неужели боялась сообщить счастливому отцу, что он пропустил первые шесть лет?

Он ждал ответа. Полина слышала слабый гул машин на его стороне разговора и собственное дыхание.

— Если ты подойдешь к Ане, я закончу то, что не смогла шесть лет назад.

— Ты ничего не закончила, потому что всегда останавливалась вовремя. Подумай до вечера. И не вздумай устраивать сцену Ланскому. Вдруг он решит, что чужая дочь не стоит проблем?

Денис отключился.

Полина несколько секунд держала телефон возле уха. Потом включила запись экрана, сохранила сообщения и отправила копии в защищенное хранилище. Следом переслала их матери и написала короткую инструкцию: не выходить из квартиры, собрать документы Ани, ждать ее звонка.

Самолет в Казань был вечером. До аэропорта она могла доехать за час, если уедет прямо сейчас. Можно было забрать дочь, снять другую квартиру, перевести ее в новую школу. Полина уже делала это. Знала, сколько вещей помещается в два чемодана, какие документы держать при себе и как научить ребенка не называть незнакомцам адрес.

Только теперь Денис не искал их вслепую. Он знал школу, работу Полины и, судя по упоминанию Кирилла, следил за проверкой объекта. Еще один переезд даст им несколько недель, не больше.

В коридоре раздались шаги. Кирилл вошел в помещение и остановился у двери.

— Мы закончили первый осмотр. Зорин повез Михаила Сергеевича за оригиналами. У вас есть минут двадцать.

Полина убрала телефон в карман.

— Мне нужно уехать раньше.

— С дочерью все в порядке?

Вопрос прозвучал буднично. Полина не сразу поняла смысл.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал, как вы говорили со школой. Не подслушивал, дверь была открыта.

Она могла сказать, что речь шла о дочери коллеги. Могла ответить, что это не его дело. Шесть лет назад такие фразы помогли ей закрыть дверь, за которой остался Кирилл. Сейчас за другой дверью находился Денис, и он уже нашел Аню.

— Ее зовут Анна, — сказала Полина. — Ей шесть лет.

Кирилл не пошевелился.

— И почему ты говоришь об этом мне?

Он задал правильный вопрос. Еще несколько минут назад Полина надеялась, что сможет отложить ответ хотя бы до вечера. Теперь молчание работало только на Дениса.

— Потому что ее отец должен узнать правду от меня.

Кирилл медленно закрыл дверь.

Глава 2. Не от тебя

Кирилл закрыл дверь, потому что из коридора доносились голоса. Только после этого смысл сказанного добрался до него целиком.

Шесть лет. Дочь. Анна.

Три слова, которые не складывались в одну правду.

Полина стояла у окна, прижимая телефон к ладони. На рабочей куртке осталась белая полоса штукатурки. Кирилл смотрел на нее и пытался найти признак шутки, ошибки, плохо продуманного давления. Полина могла солгать, но никогда не делала этого без причины. Даже в мелочах предпочитала сказать неприятную правду или промолчать.

Шесть лет она молчала.

— Сколько ей точно? — спросил он.

— Шесть лет и четыре месяца.

Кирилл быстро посчитал. Получилось с первого раза, но он повторил. Последняя ночь с Полиной была в конце января. Через две недели она исчезла из квартиры, оставив ключи хозяйке и забрав только одежду, документы и старый ноутбук.

— Она моя?

Вопрос прозвучал грубо. Кирилл это понял, но не стал смягчать.

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что в то время у меня был только ты.

— Этого достаточно тебе. Мне понадобится подтверждение.

Полина кивнула.

— Я согласна на тест.

Он ожидал возражений. Готовился услышать, что оскорбляет ее недоверием, хотя после шести лет молчания само слово «доверие» казалось неуместным. Спокойное согласие почему-то разозлило сильнее.

— Ты так долго репетировала этот разговор?

— Достаточно долго, чтобы понимать твои вопросы.

— И все равно не пришла раньше.

В коридоре кто-то прошел, задел ведро. Раздался короткий металлический грохот, затем ругань рабочего. Полина посмотрела на дверь.

— Здесь нельзя говорить.

— Ты уже сказала главное.

— Нет. Главное — Денис нашел Аню.

Она протянула телефон. На экране была девочка в синей куртке и серой шапке с вышитой лисой. Стояла возле школьной калитки, держала за руку женщину, в которой Кирилл узнал Галину Викторовну. Мать Полины почти не изменилась. Девочка смотрела на нее снизу вверх, улыбалась, и в этой улыбке было что-то до боли знакомое.

Кирилл увеличил фотографию. Темные глаза, прямые брови, небольшая складка на левой щеке. Он видел такие лица на старых снимках, которые мать хранила в коробке из-под обуви. Сам Кирилл в шесть лет выглядел почти так же, только волосы были короче.

Под фотографией он прочитал сообщение.

— Когда это произошло?

— Двадцать минут назад. Денис требует изменить заключение по объекту.

— Почему он пишет о дочери как о своей?

Полина забрала телефон не сразу.

— Потому что по документам он ее отец.

— Что?

— Аня родилась вскоре после развода. В свидетельство внесли бывшего мужа. Я не стала оспаривать запись.

— Ты не стала?

— Для этого пришлось бы назвать биологического отца и начать судебный процесс. Денис следил за твоей компанией. Через тебя он нашел бы нас.

— Значит, ты решила, что лучше сделать его отцом моей дочери.

Полина отступила на полшага. Не из-за громкости: Кирилл говорил тихо. Это движение он заметил и заставил себя разжать кулаки.

— Я ничего не делала для Дениса. Я пыталась от него уйти.

— Ушла вместе с моим ребенком.

— Я узнала о беременности через неделю после переезда.

— У тебя был телефон.

— Денис получил детализацию моих звонков. Он нашел квартиру, которую для меня снял коллега. После этого я поменяла номер и город.

— Можно было отправить письмо. Найти адвоката. Передать сообщение через мать. Способов десятки.

— И каждый привел бы его к тебе.

— Ты даже не дала мне выбрать.

Полина посмотрела прямо на него.

— Да. Не дала.

Кирилл отвернулся к окну. За стеклом рабочий тащил по грязи кабель. Обычный день продолжался, люди спорили о материалах, сроках и оплате. Полчаса назад Кирилл собирался закончить осмотр, написать замечания и вечером встретиться с Арсением. Теперь где-то в Казани была девочка, которая носила его черты и не знала его имени.

Он не чувствовал себя отцом. Чувствовал только огромную пустоту, в которую за несколько минут поместились шесть чужих лет.

— Покажи остальные сообщения.

Полина открыла переписку. Кирилл прочитал требование изменить заключение и коротко пересказанный разговор с Денисом.

— Ты записала звонок?

— Нет. Не успела включить. Сохранила сообщения и попросила школу оставить записи с камер.

— Кто сейчас с девочкой?

— Мама. Они дома.

— Адрес Денис знает?

— Не уверена. Если человек следил от школы, мог проводить их до дома.

— Они должны уехать.

— Я уже думаю куда.

— Есть квартира в Казани. Закрытый двор, охрана, камеры. Ей почти не пользуются.

— Чья?

— Моя.

— Нет.

Отказ был таким быстрым, что Кирилл несколько секунд молчал.

— Почему?

— Потому что Денис знает о тебе. Первым делом он проверит твою недвижимость.

Кирилл признал довод. Полина ждала спора, и это было видно по тому, как она подняла подбородок.

— Тогда гостиница, оформленная на бюро. Или жилье через человека, который не связан ни с тобой, ни со мной.

— Сначала я поговорю с мамой и школой.

— Ты снова собираешься делать все одна?

— Я собираюсь проверить варианты, а не перевозить ребенка в первое место, которое ты назвал.

— Это и мой ребенок.

— Биологически — да. Для Ани ты пока незнакомый мужчина. Я не позволю в один день сообщить ей об отце, выдернуть из дома и поселить в чужой квартире только потому, что тебе нужно немедленно исправить последние шесть лет.

Кирилл шагнул к ней и остановился, сохранив расстояние.

— Их невозможно исправить.

— Я знаю.

— Нет, Полина. Ты знаешь, что делала эти шесть лет. А я даже не знаю, когда она пошла, какое слово сказала первым, чем болела. Я не видел ни одного ее дня. Не говори, что понимаешь, каково это.

Лицо Полины дрогнуло, но она не отвела взгляда.

— Не понимаю. И не стану просить простить меня сейчас. Но Аня не должна оплачивать нашу ссору.

Кирилл вернул ей телефон.

— Когда ближайший рейс в Казань?

— Вечером.

— Я лечу с тобой.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда ты никуда не летишь.

Он почти усмехнулся. Не от веселья — от узнавания. Раньше Полина могла спокойно выдержать давление, подождать, пока человек выговорится, а потом одним предложением лишить его всех преимуществ.

— Хорошо. Я хочу полететь с тобой. Прошу рассмотреть предложение.

— У тебя проверка.

— Сергей закончит измерения. Арсений подключится к документам. Мое присутствие здесь необязательно.

— А в Казани?

— Я хочу увидеть дочь.

— Сначала тест и разговор с адвокатом.

— Сначала безопасность. Потом все остальное.

Полина помолчала.

— Мне нужно позвонить матери.

— Звони.

— Не здесь.

— Я буду в штабе. У нас действительно осталось двадцать минут до приезда Рябова.

Кирилл вышел и прикрыл дверь. В коридоре остановился, потому что не помнил, куда собирался идти.

Сергей нашелся на лестнице. Он держал лазерный дальномер и разговаривал с Михаилом Сергеевичем. Увидев Кирилла, закончил измерение.

— Что-то случилось?

— Заканчивай без меня. Сделай копии реестра, проверь вентиляцию и окна. К спорным актам не прикасайтесь до приезда Рябова.

— Понял. Ты куда?

— В Казань.

Сергей не стал спрашивать. За восемь лет работы он научился отличать распоряжение от попытки обсудить решение.

Кирилл позвонил Арсению. Партнер ответил недовольным голосом:

— Я на встрече.

— Перенеси вечерний совет без меня. И найди семейного адвоката.

— Тебе зачем?

— Нужно оспорить запись об отцовстве.

На той стороне наступила тишина.

— Чьем?

— Арсений.

— Понял. Есть Татьяна Белова. Она вела дело моей сестры. Жесткая, но без обещаний невозможного. Скину номер.

— Спроси, сможет ли поговорить сегодня.

— Хорошо. Что-то еще?

— Билеты в Казань на ближайший рейс. Два места.

— Ты уверен, что второе место...

— Полина летит со мной.

Арсений выдохнул.

— Вот теперь я точно вышел со встречи. Она сама пришла?

— Не задавай вопросов, на которые я пока не могу ответить.

— Билеты пришлю тебе. И Кирилл... не решай все за один вечер.

— Уже опоздал на шесть лет.

Он отключился до того, как Арсений ответил.

Рябов приехал через сорок минут. Привез две папки и вел себя так, словно о поддельных листах слышал впервые. Кирилл оставил Сергею список вопросов, поговорил с Михаилом Сергеевичем и добился, чтобы спорные работы не оплачивали до завершения экспертизы.

Полина ждала возле проходной. Рядом стоял небольшой чемодан, который она успела забрать из гостиницы. Кирилл показал ей билеты, присланные Арсением. Соседние места.

— Я не соглашалась, — сказала Полина.

— Другого прямого рейса сегодня нет. Можешь купить билет на тот же самолет отдельно. Результат будет тем же, только места окажутся в разных рядах.

— Ты всегда был невыносимым, когда считал себя правым.

— Раньше тебя это забавляло.

— Раньше ты спрашивал мое мнение до того, как распоряжаться.

Кирилл забрал у нее чемодан. Полина тут же потянулась за ручкой.

— Отдай.

— У меня пустая рука.

— Это не аргумент.

— Тогда считай, что я попросил разрешения помочь и решил не ждать письменного ответа.

Она отпустила ручку, но по выражению лица было понятно: уступку Кирилл получит только эту.

До аэропорта ехали молча. Полина переписывалась с матерью и директором школы. Кирилл открыл фотографию Ани, которую успел сохранить с разрешения Полины. Та спросила, зачем она ему.

— Чтобы смотреть.

— Ты ее не знаешь.

— Именно поэтому.

В аэропорту Полина связалась с охранной фирмой, которую посоветовала ее компания. Заказала сопровождение для матери и дочери на следующий день. Не попросила Кирилла платить и отклонила его предложение вызвать людей уже сейчас.

— Они не выходят из дома, — объяснила она. — Посторонних в подъезде нет, камеры работают. Если мы приведем к двери двух незнакомых мужчин, Аня испугается.

— А если Денис придет раньше нас?

— Мама вызовет полицию. У нее есть сообщения.

— В которых нет прямой угрозы.

— Но есть фотография ребенка и требование изменить отчет. Этого достаточно, чтобы заявление приняли.

— Приняли и забыли до следующего сообщения.

Полина застегнула сумку.

— Ты предлагаешь поставить возле двери вооруженного человека?

— Предлагаю специалиста, который не будет выглядеть вооруженным.

— Я подумаю после разговора с Аней.

В самолете Полина села у окна. Кирилл не пытался продолжить спор. Открыл материалы проверки, но через десять минут понял, что читает одну страницу третий раз.

Когда самолет набрал высоту, Полина включила фотографию на телефоне. На другой была Аня в желтом дождевике, серьезная и сосредоточенная. Она держала лист с рисунком: длинный дом, пять окон, лестница и две человеческие фигуры. У одной были темные волосы до плеч, у другой — седые короткие.

— Это ты и твоя мать? — спросил Кирилл.

— Да. Рисовала весной.

— Она любит дома?

— Больше всего планы. Может полчаса объяснять, почему кухня не должна быть проходной. В садике воспитательница решила, что я заставляю ее заниматься.

— Я в семь лет рисовал мосты.

— Знаю.

Он повернулся к Полине.

— Откуда?

— Ты показывал школьный альбом. В доме твоей матери.

Этот вечер Кирилл помнил. Они сидели на полу, потому что всю мебель накрыли перед ремонтом. Полина смеялась над его мостом с опорами разной высоты. Потом нашла чертеж на обороте фотографии и перестала смеяться: даже в детстве он пытался рассчитать расстояния.

— Ты рассказывала ей обо мне?

— Нет.

— Совсем?

— Она знает, что у нее есть биологический отец. Я сказала, что мы расстались до ее рождения и пока не можем общаться.

— Удобная версия.

— Безопасная для ребенка.

— До какого возраста ты собиралась ее повторять?

Полина погасила экран.

— Не знаю.

Это был первый ответ без защиты. Кирилл мог продолжить, но не стал. В ее голосе не было просьбы о сочувствии. Только усталость человека, которому наконец пришлось произнести правду целиком.

После посадки их встретил водитель охранной компании. Полина сама проверила удостоверение и номер машины. Кирилл не вмешивался, хотя дважды замечал, как она оглядывает стоянку.

У дома Галины Викторовны они оказались после десяти вечера. Обычная многоэтажка, освещенный двор, продуктовый магазин на первом этаже. Ни подозрительных машин, ни людей у подъезда.

Полина остановилась возле двери.

— Аня уже спит. Сегодня ты ее не увидишь.

— Я не собирался врываться.

— Завтра поговорим с адвокатом и сдадим тест. После этого решим, как вас познакомить.

— Ты решишь?

— Мы решим. Но последнее слово пока за мной, потому что она знает и любит меня, а тебя видела только на фотографиях, которых я ей не показывала.

Кирилл посмотрел на окна пятого этажа. За одной из штор горел свет.

— Хорошо. До завтра.

Полина явно ожидала, что он будет спорить.

— Где ты остановишься?

— В гостинице через два квартала. Водитель останется во дворе до утра.

— Я этого не просила.

— Он охраняет меня. Случайно в том же дворе.

— Кирилл.

— Полина, я услышал твои условия. Теперь услышь мое: я не исчезну только потому, что мое присутствие усложняет тебе жизнь.

Она молчала.

— Завтра в девять, — сказала наконец. — Не раньше. Аня не любит, когда ее будят.

Кирилл отдал чемодан и дождался, пока Полина войдет в подъезд. Через несколько минут на пятом этаже открылась штора. В освещенном окне показалась маленькая фигура. Девочка прижала ладонь к стеклу, будто пыталась рассмотреть машину внизу.

Кирилл не знал, была ли это Аня. Все равно стоял до тех пор, пока штора снова не закрылась.

Глава 3. Отец по документам

В восемь пятьдесят восемь Кирилл позвонил в домофон.

Полина посмотрела на часы, хотя заранее знала время. Он всегда приходил немного раньше и ждал неподалеку, чтобы не заставлять человека ждать и не появляться до назначенного срока. Эта привычка сохранилась.

Аня сидела за кухонным столом и вырезала из картона узкие полосы. После вчерашней фотографии Полина не отпустила ее в школу. Директор отнеслась с пониманием и обещала не передавать сведения о ребенке по телефону.

— Это он? — спросила Галина Викторовна.

— Да.

Мать вытерла руки полотенцем и направилась в прихожую.

— Я сама открою.

— Мам, не начинай.

— Я ничего не начинала шесть лет. Теперь хотя бы посмотрю человеку в глаза.

Полина пошла следом. Она не успела объяснить, что Кирилл имеет больше оснований для претензий, чем они обе. Мать уже распахнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.